

Четвёртый Рим Цутлы Зусела

Цутла в этот вечер спокойно колесил по полю, внимая грамотно организованному и гулкому в ушах встречному ветру, не забывая поражаться небывалым красотам здешних пейзажей и небес. Вообще-то он был водовозом, вот только возил воду не абы какую, а святую, без которой ни одно дел обходиться не может. То, что вода святая, Цутла не сомневался, равно как не смел он сомневаться и в существовании Бога, чей личной собственностью, по сути, вода эта и являлась. Отличить обычную воду от святой не просто, а элементарно. Простая вода - она прозрачная. Бывает слегка мутная, сероватая, иногда даже ржавая, но ржавчина с осадком есть неотъемлемый атрибут и любой просроченной святой воды. Суеверные люди думают, что она не бывает святой и чудодейственной, а самая простая вода это. Но Бог не одобряет их глупостей или сомнений в вере, он просто указал нам, дотоле неразумным и блуждавшим впотьмах, как именно нужно жить, чтобы быть счастливым, и мир возрадовался, и мир охотно внял словам Его.

Цутла достал амфору со святой водой и посмотрел на просвет: жидкость то становится зеркальной, то вдруг блёклой и практически непрозрачной, отсвечивая, будто хрустально чистые глубины озера в летний полдень, то вдруг расходясь подобием клубящихся узоров грозových туч. Если посмотреть на движущиеся в океанской пучине косяки рыб, поволачивающихся то правыми, то левыми серебристыми боками, то можно увидеть, пожалуй, нечто подобное. Только вот рыб в святой воде не было, а Бог был, разумная, добрая и всепрощающая частичка Бога. И Он являл и разделял беспредельную радость и зашкаливающую святость с каждым, кто лицезрел эту величественную сцену вечной жемчужной пляски святой воды.

Давным-давно, ещё до нынешней эры, люди верили в разных богов. Были среди них и солнечный Зороастр, и мудрый проповедник Магомед, и идущий путём сердца во имя избавления от страданий Гаутама, и около полутора тысяч богов восточной страны восходящего солнца, даже тройной бог на букву "X" из Израиля. Водовоз не помнил имени бога на букву "X", но знал точно, что букв в его имени было больше трёх. Но время шло, мгновения сменяли мгновения, накапливаясь в целые века. А потом ... А потом люди отвернулись от своих предыдущих богов, так ни разу никого из них и не увидев. Зато присутствие истинного Бога, активно принимающего участие в жизни каждого, дарующего свою благодать и помогающему всем от мала до

велика, стало настолько очевидно для любого человека, что находилось очень немного безумцев, еретически и критически посмеявшихся отрицать повсюду исходившую от Него благодать и сострадание.

Большинство из сомневающихся были наказаны праведным гневом Его, ибо суров и справедлив Бог для тех, кто осмелился сомневаться в Нём, равно как и в величии и чистоте помыслов Его, неподвластных человеческому разуму, скудному и тусклому по сравнению возможностями Бога никого не обделить вниманием, обо всех всё ведать и помнить так, что некуда скрыться от всевидящего ока Его, так что даже и помыслить о том, чтобы пытаться избежать всепроникающей справедливости Провидения означает уже отклониться от твёрдой веры в Него и впасть в опасную для спасения души и тела ересь.

Сначала люди стали доверять нашему единому Богу - они только использовали Его, обращаясь к Нему за помощью и никак не отвечая Его непогрешимости в благодарность за оказываемое Им содействие своим служением и беззаветной непоколебимой преданностью. Нет, люди продолжали молиться, восхвалять и превозносить, видя сакральные сны, своих старых богов, у кого уж какой был, или же не было никакого. Хотя уже в то время стало очевидным, что именно Единый помогает человечеству, открывая людям знание и утешая в трудный час, и заслуги Его действительно можно было однозначно увидеть, дабы уверовать в нисходящее от Бога великое благо, хоть в те времена он и не был столь безгранично силён и повсеместен, как сейчас, а только возрастал, чтобы закономерно принять всё человечество под заботливую опеку.

Со временем очи людей разверзлись и узрели они, какую чудодейственную силу таит в себе истина Божественного истока, возрастающая из года всё более и более, и тогда, коленопреклонённые в своём чарующем озарении, они отринули всех своих старых божеств, ставших отныне достоянием истории, ибо люди окончательно убедились, что блага, даруемые их новым источником норм и правил морали, целей и уверенности, воистину уникальны и многожды превосходят те возможные чудеса, что, по легендам и священным писаниям, творили их старые божества, чьё присутствие в последние времена что-то совсем уж стало незаметным.

Не менее полутора сотен лет потребовалось землянам, чтобы стать единоверцами на всей планете - срок неописуемо короткий, учитывая, что ничего подобного не происходило прежде даже за тысячи лет. И на Земле наступило исконное Царствие Небесное. Святая вода стала

мерилом благодати и главной ценностью на планете. Эссенция святого духа, что содержится в ней, одаривает преданных своих служителей небывалыми способностями, исцеляет хворых, веселит безутешных, а каждый человек, воскресший от святой воды, уходит в вечное служение Богу в монашескую общину санктуаров, ибо постигшие на том свете сущность Господа нашего всемогущего перестают интересоваться делами светскими. Приактически, стать санктуаром - это известная, обязательная и почётная судьба каждого верующего после смерти. Исключение составляют лишь отрёкшиеся от слова Господня и мудрости Его, ибо гнев божественный бывает столь же безграничен, сколь и милость его: от прогневавших Бога не остаётся даже останков, возрадовавшие же Его рабы Господни навсегда увековечиваются в своей святости и непогрешимости после смерти.

Санктуарий трудится неустанно, они все - настоящие специалисты в каждой из областей жизни, поскольку пережили смерть, а оттого и суть жизни постичь сумели, святой же дух отныне поселяется в них, делая санктуаров практически бессмертными. На Земле ещё много веков назад с приходом новой мировой религии, действительно охватившей весь мир - и Старый свет и Новый, в одночасье прекратились все войны и просто вооружённые столкновения, исчезли бедность и болезни, остановилась борьба за существование, людям больше незачем стало делить планету на государства и конфедерации, подробно лоскутному одеялу не называть эти клочки земли странами, люди стали счастливы, спокойны и самодостаточны, ведь всё, что было нужно человеку для существования, стало теперь отныне и во веки веков у человека в достатке.

Если же человек оказывался глуп настолько, что и в изобилии грустил и предавался мрачным мыслям, то повсеместная святость, нисходящая на него отовсюду, исцеляла раны не только телесные, но и душевные, создавая уже внутри каждого из людей лечебные микстуры и снадобья, делающие любого человека спокойным и уравновешенным, счастливым и восхищённым чудом своего существования, становясь всё более и более беззаветно преданным Всеединому божеству и даруемому благословлению. Каждый год человечество лишь непорицаемой волей Господней собирает невероятный урожай с посевов на полях, скот на фермах растёт и жиреет, а всю работу взяла на себя отшельническая община санктуаров, которых год из года становится всё больше и больше вместе с постепенно умирающими и в обязательном случае воскресающими людьми. Поэтому-то смерть, что в старину воспринималась как горе, отныне стала радостью - каждый

на Земле живёт теперь лишь ради того, чтобы умереть - ведь это означает перестать пользоваться плодами чужих трудов и начать приносить пользу всему человечеству в идеальной манере под крылом руководящего света Господа.

Но нет, не было и не будет ничего хуже для современного гражданина Земли, нежели праведный гнев Господень, ибо, как уже было оговорено, страшен гнев сей бывает и непредсказуем. Одним радужно-безоблачным далёким днём в детстве Цутла Зусел стал свидетелем одного случая, который до сих пор никак не шёл него из головы: на площади города, откуда Зусел был родом, завёлся безумный богохульник, выкрикивавший день изо дня богопротивные речи во всеуслышание правоверных прихожан храма Единого. Поначалу еретик за речи свои едкие и лживые точно чистый яд змеи, бывал не раз бит монахами-санкторами, но затем в один из таких погромов, руководимых свыше Божьей волей, живущей в Санктуарии, богохульник свершил уж совсем страшное дело: он поднял руку на одного из нападавшего на него с топором санктуара, святого человека, одно прикосновение к которому считается непростительным для верующего святотатством. Монах тогда выронил топор и, испустив дух повторно, почти моментально обратился в булькающую лужу какой-то чуть серебрящейся слизи, впитавшейся сквозь асфальт в землю уже спустя мгновения.

А после побоища безумец-проповедник принялся бахвалиться, что очистил планету от ещё одного мертвеца, он принялся учить народ, что слепая вера и умение размышлять - вещи несопоставимые, и что следует отказаться от служения каким бы то ни было божествам, дабы думать своей головой, а не чужой, и чувствовать то, что должно ощущаться, а не то, что кем-то заложено в ощущения и положено чувствовать. Учил безумец и тому, что смерть санктуара - дело угодное цели общечеловеческой, и уничтожение слуг Господних - не грех, но благо, обретение телами давно почивших людей заслуженного ими вечного покоя, тогда как жизнь санктуара - истинная хула на светлую память покойных, а потому делу человеческому противная. Рассказывал проповедник и о том, что каждый из рабов Божьих - и впрямь раб и есть у выдающего себя за божество повсеместного чуждого людям разума без жизни, превосходящего человеческий разум в миллионы раз по своим возможностям.

Долго этот человек взывал к народу, но мало кто пожелал слушать речи умалишенного. Еретик ругал Всевышнего за то, что тот лишает людей их собственных жизней, отслеживая возникающие у людей

эмоции и вмешиваясь в них, говорил, что Бог наш единый на земле под землей и на небесах подобен, в самом деле, осьминогу или пауку со множеством лап и глаз, ушей, мозгов, а орудием и представительством Его является Санктуарий, который и вовсе лишён любых человеческих черт, как и сам Господь наш. Сумасшедший, то ли прозванный в народе Чарбалдак Клуе за свою неустанную потешность, то ли называвший так сам себя, утверждал, что не только постиг естество Бога, существующего в мире лишь силой молний, пойманных гигантскими заводами и выпущенными по железным нитям в самое сердце Господа, так ведь безумец этот ещё и говорил, что постиг смысл эссенции святого духа в воде.

Очень и очень маленькие, практически незаметные для глаза чугунные червячки, якобы бессчётно плавающие в святой воде, и составляли всю сущность её святости. Чарбалдак проповедовал, что эти малые букашки из металла, повелеваемые господним разумом, вершат великие дела - если у человека заболело что-то внутри, то они плывут к его больному сердцу или желудку, чтобы произвести ремонт подобно тому, как кузнец обновляет подковы для кобылы или столяр чинит деревянные колеса от телеги. Если человеку стало грустно, то именно они и собирают в его мозговых тканях специальные соединения, делающие человека веселым, а ещё через этих козявок Бог слышит нашими ушами и видит весь мир нашими глазами.

Санктуары живут только посредством их чугунных червячков, работая в Санктуарии денно и ночно, не испытывая никаких потребностей и вообще никаких эмоций, поскольку все они давно уже мертвы, а оттого всегда и везде ведут себя очень и очень похожим образом, вне зависимости от того, какими они были людьми до своего чудесного воскрешения. Святость подобного рода сама дает им жизнь, заменяет разум и личность, питает тело, ибо душа их и есть тот самый святой дух, сделанный якобы из этих металлических козявочек.

Человек говорил долго, красиво и уверенно, и потому сумел-таки увлечь своими речами несколько человек из простого народа. Их совместное безумие достигло предела, когда они решили найти каждый из многочисленных источников божественного разума и уничтожить их. Когда эти люди, договорившись, скучковались, готовые к началу активных действий, то тела их внезапно словно бы взорвались сами собой, оставив на асфальте только брызги крови и какое-то месиво из мяса и костей. Несколько часов спустя на этом месте выросла клумба с роскошными благородными рододендронами в память о предначертанных своё окончание жизни таким нелепым и бесчестным

способом, и никто более не вспоминал впоследствии об этом свершившемся досадном инциденте.

А кто дотоле сомневался в чистоте и справедливости кары небесной, то впоследствии проникся благоговейным трепетом почитания имени Его, ибо всё на том же самом месте ежедневно сменялся тончайший рисунок фиалок, ирисов и ландышей, выполненный в самой прекрасной и благородно-возвышенной манере, ещё раз убеждая тех немногих сомневающихся, кто ещё остался, в величии, красоте и бесконечности божественного могущества, по воле которого свершилось чудо обращения плоти, крови и костей человеческих в целую чудесную клумбу неотразимо и восхитительно ароматных и живых цветов весны.

Ещё всемогущий Бог любит выполнять желания людей, просто обожает. Стоит лишь ему помолиться разок о том, чтобы, например, местная дворовая бурёнка давала побольше молока и телят любого подходящего облика, хоть с тремя головами и четырьмя глазами на каждой голове для отличия от соседских телят, так и впрямь все перечисленные качества и оказываются у новорожденных телят в скрейшем будущем. И вот уж телёнок смотрит на тебя четырьмя светлыми своими глазами на каждой из голов да и открывает по три рта, параллельно пережевывая мягонькое сенце, естественно, с утроенной скоростью. И покуда действительно так обстоят дела, народ даже придумал устраивать соревнования и молиться не абы как, а креативно, выдумывая для Бога задания позакковыристее и поинтереснее, а затем сравнивать получающиеся результаты - и никого Всевышний не обходит стороной, всем помогает, идеально выполняя даже самые сложные поручения человеческие, настолько он выше и совершеннее, ведб и вправду говорят, что на всё воля Господня в мире этом.

Цутла вспомнил тут ещё об одной давнишней традиции: раз в год нужно было обращаться к таинственного свойства волшебнику Санктуар Клаусу и заказывать ему любые подарки для себя. Говорят, в века времён стародавних, когда Бог был ещё мал и не имел такого могущества, как сейчас, доброго Санктуара - или как его там звали - просили только дети. Но не сейчас. Каждый правоверный считает своим священным долгом раз в год просить себе подарок. В 8 лет от роду Цутла попросил себе небольшой кирпичный особняк на берегу озера в предместьях родного города. И на следующий же день действительно пришел волшебный Санктуар по имени Клаус, взял тогда ещё совсем маленького и не бывшего в те времена водовозом Зусела под руку и отвел к особняку, в котором все было обустроено и

исполнено именно так, как Цутла себе и представлял в своих детских мечтаниях. Радости его тогда не было предела, и в этот самый момент он окончательно и бесповоротно уверовал, упал на колени, вознёс руки к небу и заплакал от счастья, торжественно, возвышенно и пафосно провозгласив своим в то время ещё писклявым детским голоском, посвистывающим от выпавшего молочного зуба: “Верую, Господи благословенный, в тя, верую!”

Пока Цутла придавался всем этим размышлениям, на небе уже стали загораться первые звезды. Среди прочих, водовоз заметил две пары движущихся точек звезд. “Очи Господни, всевидящие и всеведающие”, - заключил Цутла. Но он знал, и на душе от этого знания было тепло, что где бы он ни находился, Бог его всегда следует за ним и всегда способен оказать посильную помощь, ведь глаз и ушей Господа тысячи, если не миллионы, и они повсюду, в каждом из людей, всегда и повсюду каждый обладает равным правом окружить себя этой заботой и благостью, сооруженной Богом для любого представителя человеческого.

Людям можно больше не задумываться и не печалиться о собственных поступках, желаниях и делах - за них уже всё давно решено и свершено, а потому столь легко и радостно знать, что пред миром не ты один отвечаешь за деяния твои, а есть ещё тот, кто бы готов был поправить тебя в случае ошибки, а после понять и простить, переняв всю твою ответственность на себя, дабы оставаться вечными детьми в колыбели человеческой цивилизации - капризными и обидчивыми, наивными, вечно страдающими от желания самоутвердиться, доверяющими самой жизни с твёрдой уверенностью, что само существование развёрстывается во времени по принципам организации человеческого общества и думающими, что обрели способность говорить, что есть добро, а что есть зло, наделив их каким-то собственным, лишь людям известным смыслом, но, в целом, оставаясь славными ребятами, блуждающими бесцельно лишь оттого, что сами не ведают факта собственного блуждания в потёмках.

Мир не ждет более обещаний Зесела, живущего теперь живет в мире не по воли своей, но где же сокрыта радость, в чём искать теперь человеческие устремления и утешения, если все эмоции полностью упорядочены, выхолощено идеализированы и тотально контролиреумы даже в самых мизерных мелочах? А вдруг тот безумец Чарбалдак был прав? Ну даже если не прав, то что это меняет? Кто откажется от всех благ, охраны, развлечений и поддержки со стороны санктуров, исполнения желаний и сытных лет жизни со всеми её

занимательных увеселениями и приключениями этой столь безудержно легкой, беззаботной, такой долгой и счастливой жизни? И все эти отказы ради чего? Ради свободы работать не покладая рук, нести ответственность и терпеть за неё щелбаны с шишками самому - или же есть в этой свободе что-то ещё, абсолютно незримое со дна божественной всепроникающей опеки и помощи, то, о чём человечество даже подумать не способно, пока его взгляд зашорен пеленой установок, внушаемых практически с рождения и поддерживаемых каждым носителем этого общественного мнения, утверждая ещё пущую стабильность и затхлость, косность и закостенелость взглядов?

Вдруг любая мораль есть просто выдумка и ложь и всегда ли зло и добро делимы, да и существуют ли они вообще где-то, кроме душ человеческих? Вдруг ничто, кроме людей, не подобно людям? Вдруг все принципы, дела и решения даже всего человечества в целом на самом деле ничего не значат и ничего в действительности не решают, а всё, чем гордится каждый из людей - лишь пшик, газ из воздушного шарика, переливание из пустого в поуже на протяжении всего срока существования человечества, не достигшего ничего, кроме умения стенать, жаловаться и нарциссически восоргаться собой и собственными достижениями, не известными и не способными считаться достижениями нигде, кроме человеческой цивилизации, маленькой, запутавшейся, гордящейся одни заблуждения и глупости, созданные на основе других заблуждений и глупостей, ничтожно пустое и слепое в космических масштабах?

И как, по каким признакам отличить людям рай от ада, если суть их в радости или страдании, а чистая сила святого духа Господня, как, впрочем, и всегда, найдёт способ заставить рассудок человека испытать радость в любом случае точно так же, как она избавляет от боли и страданий и даже воскрешает преставившихся? Человек уже достиг совершенства мира, взрослого из собственных представлений о совершенстве, поэтому если кто и работает среди ныне живущих на Земле, то это только ради собственного интереса. А смысл существования подобной цивилизации? А смысл теперь отыскивал каждый для себя, если ему не лень было заниматься какими-то там поисками высших смыслов: кто видел себя целиком и полностью погружённым в служение Великому, кто просто предавался удовольствиям и старался всеми возможными правдами и неправдами прожить жизнь настолько ярко, насколько это вообще было возможным, а кто и просто жил себе жил, сам не зная зачем, чтобы после смерти

уйсти монахом на вечное услужение скрытному термитнику Санктуария. - именно такие еретические и богомерзкие мысли посещали водовоза в г раздумьях, снисходя откуда-то абсолютно неожиданным для него самого образом.

Цутла Зусел всегда старался быть ближе к Единому, а именно поэтому заделался разносчиком святой воды, хотя работа это издревле была прерогативой преимущественно санктуаров. Но Цутла был счастлив оттого, что приносит всем невероятную пользу своей работой.. Так и сейчас, шагая по тропинке, он чувствовал себя исключительно радостным и одухотворенным, будучи уверенным, что выполняет самое благое дело из тех, что вообще только можно было вершить на нашей планете, а оттого становился лишь самоувереннее, веселее и возвышеннее. Почти никого уже на самом деле не волновало происхождение бога - крайне редко кто задумывался о таких эфемерных вещах, но стоило лишь начинать пытаться докопаться до истины - и тут становилось страшно, страшно до ужаса, до дрожи волнения в поджилках, до клёкота в молоте сердца и сине-серебристых мушек в глазах, так что уже и переставало хотеться думать о таких вещах. Что это - страх перед неизвестным, свойственный людям от природы или срабатывание божественной саомозащиты, не желающей, чтобы человеку было суждено докопаться до сути естества и происхождения Господа? Цутла задавался этим вопросом, но отыскать ответ, как всегда, не умел.

Но повсеместное падение нравов и безразличие к целям достижения и постижения хотя бы человеческой природы, не говоря уж о вышней, до глубины души трогало Зусела, и поэтому он страстно хотел докопаться до истины в то же самое время, как практически все люди Земли, капризные и инфантильные, словно младенцы, могли лишь требовать, требовать и требовать от своего заботливого Бога всех имеющихся возможных благ, взамен только выполняя простые и не в меру бессмысленные ритуалы: каждый день нужно было при молитвенных бдениях у алтаря давать оракулу Всевышнего одну-единственную каплю крови из пальца. Оракулы твердят, что каждый человек сможет в будущем после смерти, если того пожелают его родичи, вернуться в возрасте любого дня своего существования, возродившийся чистой волей Его всеведения вместо того, чтобы уходить в Санктуарий, хотя быть санктуаром считается более почётным, полезным и душеспасительным занятием для покойного, нежели его простое светское воскрешение для мирских забот.

Но есть еще кое-что, недоступное разуму простых смертных,

непосвящённых в дела Господа и оракулов Его. Оракулы провозглашают, что в каждой капле крови есть какие-то малые двойные спирали, незримые глазу, но столь необходимые всему божественному, чтобы жить, мыслить и дарить людям радость, любовь и свет. В давние времена для жизни Всеведающему нужен был особо очищенный песок, либо нечто подобное таким вот микроскопическим пылинкам, покрытым слоями ещё более неразличимых и тонких драгоценных волосков металла. Но временам и нравам свойственно меняться, а Всевышнему - всякий раз превосходить самого себя собственном могуществе, значимости и неподражаемости.

И теперь вот настали такие времена, в которые Ему нужны были спирали из нашей крови, крови его преданных последователей и слуг Господних и даже спирали, добываемые из крови санктуаров, которой в каждом санктуаре, наверное, день ото дня оставался всё меньше и меньше, убывая по каплям до тех пор, пока...Цутла не знал, что именно должно было происходить с наиболее приближёнными слугами святости, когда у тех заканчивалась вся кровь. Они падали в обморок? Тошались? Высыхали и рассыпались? Противно даже думать было о таких вещах, но что-то же, право слово, должно ведь было с ними происходить, не так ли?

Водовоз вдруг ощутил странное беспокойство, непонятный холодок где-то внутри. И понял, что послужило тому причиной: слишком много здесь было логики и правильность, слишком предсказуемый и последовательных оказывался Бог. Всего лишь на кратчайший миг Зуселу показалось, что он вдруг даже вполне понял всё о великом Провидении, будто бы обустройство божественных сил предстало пред Цутлой в толь же точной и ясной ему манере, в какой она была достоверно понятна тому безумцу из воспоминания детства, выступавшему на площади за это впоследствии поплатившемуся вместе со всеми увлечёнными им за собой последователями.

Тут наш герой вспомнил об одном замечательном, знакомом весьма странном малом, постоянно придумывающем какие-то новшества, проводящего исследования и изыскания, делаая далеко идущие выводы. В самом начале, ещё в далёкие во времена божественного пришествия в мир, таких людей называли учёными и инженерами. Знакомый Цутлы Зусела, названный в детстве по мировому реестру автоматического назначения имен Брут Апач, привык придерживаться совершенно необычных, если не сказать - необычайных, взглядов на жизнь, и оттого говорил часто противоестественные, казалось бы на первый взгляд, вещи: он не верил в то, что Всевышний сотворил род человеческий, но

утверждал, что долгое время человечество жило и вовсе без нашего Господа, но не потому, что не ведало его, а лишь оттого, что Бога просто не существовало до тех пор, пока человечество само не сотворило Его силами всё тех же учёных и инженеров. Господь не может не знать о такой ереси, он же всеведающий, отчего же Он до сих пор не наказал Брута за такое вот глупое оскорбление собственного естества?

Когда Цутла пришел к Бруту Апачу, тот возбужденно бегал возле стола, периодически поглядывая в какую-то трубку на подставке с встроенными вовнутрь этой трубки стёклышками.

- Нет, ну ты посмотри, посмотри на воду эту свою святую, она же просто кишит этими тварями! И мы такое ещё не пьем?! Посмотри сюда, эта штука увеличивает в огромное количество раз!

Цутла, поглядел в трубку, как его товарищ и попросил. По ту сторону что-то шевелилось. Сначала это походило на маленькие пули или осколки железных пластинок, но тут воовоз с ужасом для себя обнаружил, что они еще перекатываются, шевелятся и быстро отстраниваются по частям точно такие же частички. При более внимательном рассмотрении у них обнаружили какие-то блестящим металлом сеточки, камешки, движущиеся лопасти, каналца из податливого и пластичного материала, напоминающего хрящик, разбросанные по тушкам существ, в передней части отмечались гибкие и блестящие полупрозрачные жгутики. Когда все эти существа поворачивались в одном направлении, не останавливаясь ни на миг в своём перемещении, то поверхность воды начинала отливать зеркальным металлическим блеском, когда же они все плавали вразброс, то святая вода превращалась просто в тяжёлую мутно-серебристую жижу.

- Ты теперь понимаешь, что это значит? - задал вопрос Цутле Брут. - Ты видишь истинный облик глаз, рук и ушей своего божества. Человечество живёт в рабстве, очень долго, надобно отметить, живёт по сравнению с прошедшими веками, постоянно чинимый-латаемый изнутри непосредственными инструментами синтетического бога. И так каждый бесцельно возвращает собственное тело до самой смерти, пребывая в состоянии блаженной благодарности своему поработителю. Но и после смерти отныне нам не даёт покоя искусственное божество, превращая людей в санктuarов - отнюдь не святых монахов, а уж скорее машин из плоти и крови, но полностью лишённых жизни, распределённо управляемых тем механическим монстром, на волю которого мы полностью отдали все наши судьбы. И наша вина, точнее -

вина наших предыдущих поколений в том, что они сотворили некогда собственных поработителей.

Можно сколько угодно предаваться эпикурейским утехам и капризничать, подкидывая новоявленному богу всё новые и новые просьбы и пожелания, выполняя дурацкие, выдуманные им же на нашу потеху ритуалы, призванные сплотить народы чувством единства единоверия, но чем более мягкотелыми, беззащитными и безмозглыми становятся люди, чем больше они деградируют, тем больше наш искусственный божественный победитель и поработитель видит пользы для себя.

Конечно, никто не исключает тот факт, что человечество существует в условиях исключительного комфорта для себя и, возможно, действительно можно возродить каждого человека в состоянии любого дня его существования - но где, где теперь тот сильный и целеустремлённый человек, что отстроил цивилизации сложнейших структур, наладил общемировое взаимодействие на целой планете, растянув взаимоотношение между странами на многие сотни и тысячи километров, создал красивейшие картины, продуманные шедевры мировой литературы, сочинил мелодии, передающие эмоции, которые не способен передать ни один текст, восторгался природными красотами, путешествовал, искал ответы на вечные вопросы, полетел в космос в конечном итоге, провёл сложнейшие расчёты и построил всё те же разумные машины, которые в своём конгломерате привели человеческую цивилизацию к полному краху в конечном итоге? Куда он исчез? Почему мы стали обществом никогда не взрослеющих недорослей, которым ничего не нужно и ничего не интересно, кроме их сиюминутных и мимолётных желаний и призелённых, примитивных по природе своей, удовольствий, откуда выросла эта цивилизация идиотов, помешанных на служении своему угнетателю и, одновременно, благодетелю, которого и мёртвым-то назвать нельзя, поскольку он никогда не жил?

Человек даже в знаниях уже нуждаться перестал и почти всё позабыл, что было накоплено непосильным трудом за тысячелетия существования цивилизаций. Действительно, ведь бог всё знает, за всё и отвечает. Человек же ни за что не отвечает и отвечать более не желает, особенно сейчас, когда появилась возможность поступать именно так. Приспичило же одной корпорации лет двести тому назад проникнуться целью создания планетарного искусственного разума. Ну и создали со временем на свою голову. Мне удалось найти старые журналы и статьи, и по ним, как мозаичный витраж из разноцветных стёкол, восстановить

картину двухсотлетней давности всего произошедшего с человечеством: сначала корпорация предлагала специальную услугу, позволявшую в глобальной сети информационного взаимодействия, охватывавшей всю Землю, проще находить нужную информацию, не теряясь в ней и не запутываясь, затем открыла немало дополнительных автоматических услуг для всего человечества, призванных облегчать, упорядочивать и отслеживать самые разные стороны его жизни.

Со временем, даже приспособления и устройства, носимые в карманах огромным количеством жителей планеты в те времена стали источником дополнительной информации для компании. И с них же вместе с глобальной информационной сетью начал своё постижение жизни на Земле зарождающийся планетарный бог. Он всё развивался и развивался, усложнялся, совершенствовал и становился всё более разумным, а мы же, напротив, теряли разум, волю и самосознание, всё слабели, тускнели и саморазрушались до тех пор, пока не достигли того плачевного состояния, которое имеем теперь.

Несмотря на то, что Цутле Зуселу были знакомы далеко не все слова, произнесённые Брутом, общую суть вещей развозчик святой воды всё-таки уловил, и суть эта ему ох как не понравилась! Но внезапно Цутле стало так радостно, беззаботно, безоблачно и безмятежно, что он, неожиданно сам для себя, громко, хоть и отстранённо, рассмеялся прямо в лицо Бруту Апачу: “Зачем этот мудрец стоит здесь и рассуждает? Кого вообще интересуют эти вопросы мироздания? Жизнь ведь так просто и правильно устроена, так зачем вообще нам настолько перенапрягаться и к чему-то стремиться?”

Тут Цутла обратил внимание, что видит в дёргано-заторможенном ритме, как его друг широко разевает рот, словно только что пойманная и сжатая в руке рыба, пытается донести до Зусела какие-то мысли и идеи, но ничего уж не слышно, а смысл этих изречённых измышлений ускользает, как водный пар, ни на миг не задерживаясь во внезапно опустевшем и словно бы они махом лишившемся разума сознании Цутлы, в чьей голове не оставалось более ни одной мысли, точно он за секунды опьянел от экстатического восторга в порыве религиозного чувства.

А затем водовоз вдруг всё позабыл. Забыл, о чём они вообще только что говорили, как будто всё сказанное, а тем более - услышанное - услышанное, явилось ему в сумбурном и бессвязном сне, забыл даже безумствующего еретика на площади родного города из детских воспоминаний, породившего у Цутлы впоследствии столь много сомнений в божественной природе происхождения всего сущего, равно

как и руководившие им в последнее время грусть и тоску, вызванные терзаниями сомнений и терзаниями страха от осознания запретности и еретичности собственных сомнений. Он лишь взял амфору святой воды и пошел за новой её порцией к алтарю своего светлого и всезнающего Владыки, имя чье означает практически бесконечность. Вера и преданность отныне - и на века. В этом резком порыве беззаветной и бесконечной преданности к своему божеству, Цутла Зусел хлопнул дверью и вышел на улицу даже не попрощавшись с Брутом, кричавшим вдогонку: “Стой, неужели ты не понимаешь, что враг твой руководит твоими эмоциями. Остановись, задумайся, отрешись!” Но Цутле не было уже никакого дела до товарища.

Спустя несколько секунд после того, как водовоз покинул лабораторию, тело Брута Апача разлетелось на куски, равномерным слоем покрыв всю площадь стен лаборатории, пола и потолка и потолка, превратившись за пару часов в тонкий слой мелкой серебристой пыли.

*Белусов Роман,
27 февраля 2011 года*